Как показали опросные данные, абсолютное большинство дагестанцев, проживающих в городах не отошли от религии. К верующим или к условно верующим относят себя 80-90% членов этнодисперсной группы. Кроме того, 12,4% мужчин и 16,6% женщин отметили, что колеблются в выборе между верой и неверием. Обычно эта категория лиц демонстрирует некоторые нечеткие пантеистические или деистические представления, сомневаясь в то же время в постулатах о загробной жизни, о бессмертии души и т.д. Около 20% женщин и одной трети мужчин определенно отнесли себя к неверующим или к убежденным атеистам. В то же время свыше 80% отметили, что по крайней мере один из родителей был верующим, что позволяет сделать вывод о радикальном изменении соотношения верующих и неверующих представителей этнодисперсной группы. По-видимому, это соотношение определяется возрастной структурой группы, а также сроками важнейших миграционных «волн» в прошлом и нынешнем столетиях. Чем раньше произошел переезд в город, тем больше колеблющихся и не верующих в соответствующем поколении переселенцев. Религиозность больше утрачивают их дети и особенно внуки, но не сами мигранты. Таким образом, определяющее влияние на уровень религиозности оказывает не срок адаптации к жизни в крупном этнодисперсном культурном центре, а условия формирования личности и ее отношение к вере на этапе социализации.

Данные исследования указывают на тесную взаимосвязь отношения к мусульманской религии с показателями образа жизни и уровня жизни дагестанских семей. Оказалось, что семьи, в которых есть верующие, отличаются от безрелигиозных семей по размеру дохода на одного члена семьи, по характеру проведения досуга, по бытованию семейной и календарной религиозной обрядности, даже по частоте приготовления блюд национальной кухни и т.д.

Таким образом, изучение религиозных пережитков, религиозного фактора в условиях Дагестана от исследователя требует помимо конкретно-социологического анализа, углубленной социокультурной, социально-психологической и морально-этнической интерпретации зафиксированных или проявляющихся моментов с учетом всех имеющихся противоречивых нюансов и особенностей функционирования этноконфессионального фактора в современных условиях.

УДК 947

Сергеев В.Н., д. ист. н., проф.

Борьба за создание демократических правительств на Дону и Северном Кавказе в октябре 1917 – январе 1918 гг. (Роль умеренных социалистических партий)

Рассматривается стремление партий демократического социализма проводить «третий путь» в революции, бороться против калединщины и против большевиков, за создание демократического правительства.

Ключевые слова: партии, меньшевики, эсеры, большевики, кадеты, правительства, власть.

В решениях вышестоящих органов партий меньшевиков и эсеров весны 1917 г. четко прослеживаются установки на борьбу их организаций за создание на местах демократической государственной власти. Так, эсеры, например, на III съезде этой партии в мае 1917 г. в резолюции «Смысл современного момента и задачи партии» отмечали, что съезд «признает необходимым самое деятельное участие ... в реорганизации местной власти на началах органического народовластия», а в резолюции «Об отношении к Временному пра-

вительству» съезд указал, что такая реорганизация власти на местах является «основной политической задачей момента» [1, с. 398, 601]. Такие установки прослеживаются на совещании у донского атамана Каледина, который 25 октября принял на себя всю полноту государственной власти для борьбы против большевиков, захвативших власть в Петрограде. Представитель Новочеркасского Совета рабочих и солдатских депутатов меньшевик Кондратьев заявил тогда: «Совет никогда не разделял взглядов большевиков. Должна быть создана такая твердая власть, чтобы она дала бы благомыслящей части населения возвысить свой голос. Но надо чтобы в этом приняли участие все слои населения. Эти слои населения примкнут к казачеству, поскольку рабочие сами по себе слишком малая единица, чтобы навязать другим свою волю». Левые эсеры Александрин и Арнаутов, присутствующие 25 октября 1917 г. на совещании у атамана, колебались и сделали заявления лишь о необходимости поддерживать порядок в городе (Александрин от имени Новочеркасской городской управы) и выполнять приказы (Арнаутов от имени областного военного комитета) [2, л. 73]. На позиции большевиков они стали лишь после ноябрьского 1917 г. I съезда левых эсеров, когда было создано правительство из большевиков и левых эсеров.

26 октября 1917 г. против диктатуры Каледина заявил протест Донской областной исполнительный комитет во главе с эсером Барыкиным, в котором, в частности. отмечал: «Представляется неясным, какими основаниями руководствовалось Войсковое правительство, приглашая все население подчиниться беспрекословно его единственной воле. Если это решение основывается на суждениях бывшего вчера совещания, то необходимо иметь в виду, что на этом совещании не были вовсе представлены областные общественные организации: областной исполнительный комитет и областной Совет крестьянских депутатов, отсутствовали также и представители городских дум. Всецело присоединяясь к высказанному во вчерашнем совещании осуждению стремлений большевиков к захвату власти в стране вообще и в Донской области в частности заявляем о необходимости спросить мнение других общественных организаций». «Признавая в то же время совершенно необходимым организацию объединенной твердой власти в Донской области, – продолжали эсеровски настроенные руководители ДИК, – находим столь необходимым создать основу для этой власти не насилием, а на авторитете демократического объединения Войскового правительства с представителями от неказачьего населения» [3, л. 102].

Ответ Каледина Донскому облисполкому от 27 октября 1917 г. проливает свет на его действительное понимание проблемы власти на Дону. Посетовав на тяжелое положение, генерал отметил, что создание власти в Донской области объединяющей казаков и иногородних «представляется очень сложным делом и поэтому требует весьма продолжительного времени». Введение же военного положения «требовало немедленного осуществления» [3, л. 103]. Однако для подкрепления своих намерений осуществить союз с неказаками атаман издал постановление об освобождении 31 октября 1917 г. из-под стражи большевиков – делегатов II Всероссийского съезда Советов. Среди них были лица, ставшие в последствии известными всей стране: В.С. Ковалев (1883–1918 гг.) – председатель Гуковского Совета в 1917 г., а с апреля 1918 г. – председатель ЦИК Донской республики; Е.А. Щаденко (1885–1971 гг.) – член Донецкого окружного Совета (генерал-полковник в 1942 г., в 1937-1943 гг. – зам. наркома обороны СССР); К.Ф. Гроднер – депутат Александровск-Грушевского Совета; С.Г. Лихацкий – солдат 276 запасного пехотного полка; С.М. Засько – депутат от Свинаревского рудничного Совета рабочих депутатов [3, л. 294]. Позже сподвижник атамана Н.М. Мельников скажет, что А.М. Каледин действовал весьма осторожно в деле стеснения прав неказачьего населения [4].

Делая некоторые уступки демократии, А.М. Каледин не раз заявлял, что на Дону необходимы «твердая власть и немедленно, безотлагательно решительные меры». На счет намерений Каледина и кадетов создать на Дону твердую власть меньшевистская газета «Рабочее дело» 19 ноября 1917 г. подсказывала правящим кругам: «соответственность момента должна была заставить их (т.е. кадетов), умудренных опытом, указать Войсковому прави-

тельству, что в предполагаемой трудной работе по воссозданию новой России нужно руководствоваться не потерпевшим крах старым «стращать и не пускать», а расширением своего фундамента, привлекая к строительству все более широкие круги государственно мыслящих демократических элементов». Что касается поднятой в Петрограде самими умеренными социалистами проблемы организации власти в стране блоком всех социалистических партий от эсеров до большевиков, то в резолюции Новочеркасского комитета меньшевиков (председатель А.Ф. Самохин) 15 ноября 1917 г. записано: «не может быть никаких соглашений в вопросе об организации власти с партией захватчиков» [5]. Стараясь удержаться на позиции «третьей силы», умеренные социалисты, критически оценивали и возможность союза с правыми силами. 12 декабря 1917 г. меньшевистская газета «Рабочее дело» опубликовала доклад Председателя Донских меньшевиков Б.С. Васильева на конференции своих единомышленников в Ростове, где содержалось довольно трезвое заключение: «Всякое стремление в данный момент разделить власть с Войсковым правительством нужно признать пагубным для интересов социал-демократии, которая не выполнит программы, и лишь скомпрометирует себя в глазах пролетариата». «Средняя линия» в борьбе классов, проводимая умеренными социалистами не раз вызывала нарекания кадетов.

Правые фракции Ростовской Думы, опираясь на кадетскую коллегию адвокатов города, после взятия Калединым 2 декабря 1917 г. Ростова организовали суд над гласными городской Думы, которые сочувственно отнеслись к борьбе Красной гвардии в дни ноябрьских боев 1917 г. с казаками Каледина. Так, 9 декабря 1917 г., на заседании городской адвокатуры кадет Ивановский обвинил гласного, продовольственника А. Плескова в том, что он «дал 100 пудов хлеба Красной гвардии, дума не проявила никакой борьбы с большевиками, а в жуткие дни боя на трамвае перевозилось оружие». Народный социалист И.И. Шик заявил, что «Дума виновата в том, что она изменчески поддерживала большевиков» [6].

В борьбе главных противоборствующих сил меньшевики и эсеры стремились к средней линии, но в них нарастало размежевание и часть из них поддержала правых, а другая – большевиков. Их лидеры в Новочеркасске, Таганроге и в других местах враждебно встретили весть о победе вооруженного восстания в Петрограде и заявили, что на Дону «должна быть организована временная твердая власть», которая возьмет на себя обязанность восстановления законного правительства [7]. Народные социалисты даже поддержали военное положение, введенное на Дону Калединым [8].

В первые послеоктябрьские дни в ряде мест правые эсеры и меньшевики демонстративно выходили из тех Советов, которые поддержали социалистическую революцию. Г.И. Петровский, находившийся в октябре – ноябре 1917 г. в Донбассе, писал: «Здесь эсеры и меньшевики, видя, что для что для них слагается меньшинство в Советах рабочих и солдатских депутатов, не задумываясь уходят и сеют себе очень злые всходы» [9]. В Советах Ростова, Макеевки и ряде других умеренные социалисты отказались войти в состав ВРК, созданный большевиками для защиты завоеваний революции. На Дону началась полоса разрыва правых эсеров и меньшевиков с Советами, т.е. с народом, когда органы революционной демократии особенно нуждались в образованных кадрах. Наиболее дальновидные эсеры, например, ветеран партии эсеров Б.В. Корень (Бабин) проявил осмотрительность и резко осудил намерение эсеров отозвать из Совета в г. Александровске-Грушевском своих представителей, опасаясь, что это окончательно подорвет влияние этой партии среди шахтеров. «Отозвание членов партии из Совета – средство очень сильное, – заявил он, – оно произвело бы на рудники, избравшие этих депутатов, подавляющее впечатление... отзыв может оторвать организации партии от Совета и внести в борьбу раздор и озлобление» [10].

Таким образом, в рядах мелкобуржуазной демократии на Дону при обсуждении вопросов, связанных с Петроградским вооруженным восстанием усилилось размежевание. Правые эсеры, энесы, меньшевики-оборонцы заявили о поддержке Войскового правительства в борьбе с революцией, тогда как левые эсеры, социал-демократы интернационалисты стояли на антикалединских позициях. Однако и они не поддержали диктатуру пролетариа-

та, хотя и ослабляли силы ее врагов. Были и попытки балансировать между двумя главными противоборствующими силами. «Мы не считаем возможным совместную борьбу с реакционными силами Каледина, но, с другой стороны, не считаем возможным быть в полном контакте с большевиками», – писали правые эсеры в Юзовке [11]. Однако надо было делать выбор. Резкое обострение классовой борьбы на Дону заставило соглашателей быстрее, нежели в центре страны, выбирать и становиться на одну из борющихся сторон.

На Кубани, как и на Дону, также обозначилось стремление вождей умеренных социалистов действовать в русле политики кадетов, искать компромисса с Краевым правительством. На заседании Екатеринодарской думы 28 октября докладчик от меньшевиков М.М. Хейфец заявил, что «введение военного положения вполне своевременно и благоразумно». В резолюции Думы записано, что «демократия» будет поддерживать «все мероприятия» казаков, направленные для восстановления Временного правительства [12]. Один из лидеров меньшевиков Кубани Л.В. Балкевич впоследствии писал, что среди руководителей этой партии в крае в первые послеоктябрьские месяцы существовала уверенность, что «большевики долго не удержатся», поэтому Кубань «застрахована от большевистского переворота» [13]. Политику сословной обособленности Кубанской рады поддерживали руководители правых эсеров: Аргунов, Н.С. Долгополов, Трусковский, Краснов, Козловский, Вольдберг, П.С. Ширский и многие другие [14].

На позиции «третьей силы» пытался стать Кубанский областной исполнительный комитет, руководимый умеренными социалистическими партиями. Также как и Донской исполком, он 14(1) ноября 1917 г. на первом областном съезде иногородних стал в оппозицию казачьему руководству области. «В течение всего времени своего существования, начиная с мая месяца и до последнего времени областной исполнительный комитет, отмечалось в резолюции, – напрягал все силы и принимал все меры к тому, чтобы всё население области было объединено едиными для всего населения органами управления. Но, к сожалению, все его попытки, все его усилия ввести на Кубани демократическое безсословное самоуправление разбивалось об упорное нежелание некоторых групп казачества и его представителей. В настоящее время Краевая рада самолично провозгласила федерацию с управлением, основанным исключительно на представительстве «коренного населения», лишив этим вопреки существующим законам полутора миллионную массу иногороднего населения неотъемлемого права, представительства в органах управления. Областной исполнительный комитет считает своим нравственным долгом созвать областной съезд иногороднего населения области, дабы оно могло выказать свою волю и отношение к постановлению Рады» [15].

Введенное с 26 октября 1917 г. Кубанским войсковым правительством военное положение тяжело сказалось на положении населения: начались аресты, была закрыта большевистская газета «Прикубанская правда», был разоружен артиллерийский дивизион – вооруженная опора большевиков в Екатеринодаре. 2 ноября в Екатеринодаре по распоряжению Войскового правительства был расстрелян митинг протеста и арестованы некоторые большевики. Съезд иногородних, собравшийся 1 ноября, выдвинул резолюцию протеста: 1. «Немедленно отменить военное положение», ибо оно введено не центральной государственной властью, а органом казачьего сословного управления. 2. «Признать недопустимым совмещение в одном лице деятельности комиссара как органа контролирующего и Войскового атамана, как органа исполнительного». 3. «Немедленно обратиться к неказачьему населению Донской и Терской областей с предложением учредить Союз неказачьего населения Кубанской, Донской и Терской областей» [16].

Требования данной резолюции были революционно-демократическими, верно указывали на прореху в законодательстве об учреждении Юго-Восточного Союза, который строился без привлечения в свои структуры иногороднего крестьянства. Однако сомнительно было проведение этого требования в жизнь, ибо оно уже 11 лет в той, или иной форме, но безуспешно обсуждалось в Государственной думе, а казачья верхушка даже не помыш-

ляла о действительном допущении иногородних к управлению краем. Этот вопрос не потерял своей остроты и в 1917 г., когда в результате стихийной миграции край был переполнен населением пришлым, особенно беженцами.

Самым актуальным на ноябрьском съезде иногородних (после обсуждения проблем текущего момента) стал вопрос об управлении краем и самоуправлении. С докладом выступил председатель Кубанского исполнительного комитета меньшевик С.Г. Турутин. По докладу съезд принял резолюцию: 1. Принимая во внимание – отмечалось в резолюции, – что Войсковая рада не выражает собой волю всего населения Кубанской области и не может создать никаких проектов государственного управления и самоуправления, обязательных для населения области; 2. Что само по себе избрание Рады отнюдь не гарантирует совершенного и демократического представительства даже для казачества; 3. Что проекты государственного устройства, к которым должно быть отнесено и обсуждавшееся Радой положение о федеративном управлении Кубанской областью, могут быть разрешены только Учредительным собранием и не должны вводиться явочным порядком; 4. Что принятое Войсковой радой постановление об участии в самоуправлении области казаков, горцев, крестьян общинников, крестьянских товариществ, приписанных к Кубанской области, лишает гражданских прав половину населения области, вводя цензовые ограничения более широкие, чем при царском правительстве, – принимая это все во внимание, первый областной съезд иногородних Кубанской области постановил: признать постановления Кубанской Войсковой рады в отношении управления и самоуправлении областью незаконными и противоречащими объявленными Временным правительством правовыми положениями, устанавливающими равноправие всех граждан России, и поэтому исполнению не подлежат; признать, что в Кубанской области должно быть введено в самое ближайшее время Земское положение 1892 г., действовавшее во внутренних губерниях России; посаженную плату при введении земского положения отменить, изменив в этом отношении положение Временного правительства о введении земских учреждений в Кубанской области [17] (требование отмены посаженной платы приветствовалось иногородним крестьянством), но не было исполнено до установления в 1920 г. Советской власти. Так создалось щекотливое положение, которым Рада не преминула воспользоваться: «социалисты» ссылались на законы несуществующего Временного правительства, требовали исполнения законодательства вчерашнего дня. Поэтому спешно выдвинутое Радой требование пересмотреть резолюцию в согласительной специальной комиссии, которая и была создана тут же на съезде по паритетному принципу (8 казаков, 8 неказаков) всего 16 человек.

Из документов согласительной комиссии видно как трудно продвигалась совместная работа сторон. В соответствующем протоколе комиссии читаем: «Рада считает, чтобы быть полноправным гражданином Кубанской области необходимо иметь трехлетний стаж проживания в Кубанской области: 1. Война способствовала наплыву в Кубанскую область беженцев совершенно чуждых интересам края и его жизни; 2. Передвижение войск тоже ввело в состав иногороднего населения текучий элемент*. Согласительная комиссия указала на пути реконструкции местной власти: 1. Переизбрать сельские, станичные, аульные сходы с введением иногородних в состав сходов с учетом стажа оседлости; 2. Сход переизбирает станичную власть; 3. Помощником атамана должен быть иногородний.

Съезд иногородних делегировал трех представителей в состав Правительства, а по остальным вопросам поручил договориться смешанной согласительной комиссии. Однако вследствие двойственной позиции лидера кадетов К.Л. Бардижа и председателя правительства меньшевика П. Быча соглашение не состоялось. Законодательная Рада заняла непри-

* В согласительной комиссии этот вопрос вызвал спор, ибо Кубанские власти начали насильно удалять солдат из области, с чем иногородние не хотели согласиться. Для доработки вопроса резолюции согласительной комиссии была дана неделя.

миримую позицию в вопросе о персональном составе правительства. Попытка соглашения и на этот раз оказалась безрезультатной [18].

25 октября 1917 г. во Владикавказе на расширенном заседании Терского областного Совета рабочих и солдатских депутатов лидер левых эсеров Ю.Г. Пашковский в своем выступлении показал опасность для населения Терской области не выступления большевиков в Петрограде, а в контрреволюционности Юго-Восточного Союза, настаивал на положении доклада о том, что «Союз этот представляет прямую опасность для революционной демократии», что «необходима мобилизация сил революционной демократии в связи с образованием Юго-Восточного союза» [19]. Часть левых меньшевиков и эсеров областного Терского Совета голосовали за большевистские резолюции поддержки Петроградского вооруженного восстания [20], однако правые эсеры заявили в знак протеста о выходе из исполкома Владикавказского Совета. По этому тактическому вопросу в организации эсеров города произошел раскол. На общественном собрании партии, состоявшемся не позже 1 ноября 1917 г., была принята левоэсеровская резолюция осуждающая выход из исполкома умеренных социалистов: «Тактическая линия поведения большевиков не грозит никакими активными выступлениями во Владикавказе и, что, наоборот, начался определенный контрреволюционный поход против завоеваний революции и, в частности, против Советов. Общее собрание принципиально высказывается за вхождение в исполнительный комитет Совета солдатских и рабочих депутатов» [21]. А в Пятигорске 19 ноября в резолюции фракции народных социалистов высказывался протест «против вручения Войсковому атаману исключительных полномочий и введения в крае военного положения со всеми его последствиями без согласия на то демократического самоуправления и иногороднего крестьянства» [22]. Таким образом, принятая резолюция меньшевиков и социалистов-революционеров, была направлена на принципиальные позиции защиты буржуазной революции от посягательств контрреволюции.

На I съезде иногородних Кубани 2 ноября работа согласительной комиссии, образованной для заключения компромисса «казачества» с «иногородними» завершилась уступкой эсеров и меньшевиков федералистской идее рады о признании политического устройства Кубани под эгидой казачьего дворянства. В краевое правительство вошли правые эсеры Белоусов, Г. Покровский и меньшевик С.Г. Турутин [23]. Однако казачья рада по тактическим соображениям не приняла предложения соглашателей из областного исполкома и объявила «перерыв» в работе. Меньшевики выдвинули идею повторного съезда, при этом для избежания большевизации решили созвать его в прежнем составе. Но эта задумка не удалась, левые эсеры настояли на переизбрании делегатов. На новом съезде в декабре соглашатели окончательно сдали позиции казачьей силе, поручив законодательной раде самой сформировать краевое правительство из казаков и иногородних [23].

Таким образом, на Кубани уже в первый месяц после Октябрьского переворота политика правых эсеров и меньшевиков – оборонцев, направленная на соглашение с дворянской казачьей верхушкой и офицерством, зашла еще дальше, чем на Дону. Она привела к определению конкретных кандидатур от «социалистов» в краевое антисоветское правительство. На Кубани, как и на Дону, соглашатели начинают отмежевываться от работы в Советах, где проходили большевистские резолюции. Так, в октябрьские дни они вышли из Екатеринодарского Совета. Майкопский Совет также принял большевистскую резолюцию. Тогда мелкобуржуазные партии открыто заявили, «что принять участие в работе они не могут при наличности принятой резолюции» [24]. В Майкопе, как и во многих отдельских центрах, соглашатели делили власть с атаманами [25]. В дальнейшем процесс отхода правых эсеров и меньшевиков от Советов нарастал. В конце октября они вышли из Новороссийского [26], Туапсинского и других Советов.

Случаи демонстративного выхода правых эсеров и меньшевиков из Совета имелись и на Тереке. Однако с обострением межнациональной и классовой борьбы они спешили возвратиться обратно или молчаливо присоединялись к резолюциям большевиков, лави-

руя и выжидая дальнейшего развития событий. Так, 25 октября во Владикавказе на собрании общественных организаций и представителей политических партий правые эсеры И.А Семенов, Попов и др. резко и враждебно выступали против Петроградского вооруженного восстания. Тем не менее, до окончательного выяснения событий вместе с левыми эсерами голосовали за резолюцию приветствия рабочим Петрограда предложенную большевиками С.Г. Буачидзе и М.Д. Орахелашвили [27]. Но уже 29 октября 1917 г., когда Владикавказский Совет принял резолюцию приветствия II Всероссийскому съезду Советов, правые объявили о выходе из его исполнительных органов. Представители левых течений мелкобуржуазной демократии колебались.

В Пятигорском Совете вопрос о восстании в Петрограде обсуждался 25 октября. Совет принял резолюцию Я.П. Бутырина, в которой содержался призыв «стать на защиту революции от буржуазной контрреволюции», ибо «только при таких условиях крестьянам можно будет получить помещичью землю и рабочим добиваться своих прав» [28]. Чтобы провалить политическую линию правых эсеров, большевики поддержали резолюцию социал-демократов интернационалистов, но со своей поправкой. 26 октября такая резолюция была принята. Совет рассматривался в ней как единственная власть в городе, призывая сплотить силы революции для борьбы «против организующейся контрреволюции»*. Однако правые эсеры и их сторонники обвиняли большевиков в разжигании гражданской войны, но их резолюция собрала всего около трети голосов. Большевики И.В. Малыгин, Ф.Х. Булле опубликовали в местной печати материалы, разъясняющие сущность политической линии РСДРП(б) [29].

8 ноября правые эсеры и меньшевики заседали на «соединенном совещании» членов Войскового правительства, ЦК Союза горцев, исполкомов Советов города и деревни, представителей городских самоуправлений. М.А. Караулов выступил с «Проектом казачьей декларации о создании местной власти» и с проектом «Временной конституции Терского края» (по типу Кубанской аристократической республики). Основные положения этих документов разделял и докладчик ЦК Союза горцев, кумыкский князь Р.Х. Капланов, однако требовал две трети голосов «для горцев», сторонников турецкой ориентации. На этом совещании проявились противоречия в лагере контрреволюции между «горцами» и «казаками». Однако М.А. Караулов склонился к созданию Терско-Дагестанского правительства под эгидой ЦК Союза горцев, надеясь на подавление национально-освободительного движения силами Юго-Восточного Союза, а также на его сдерживающее влияние в отношении сепаратистских тенденций Капланова и других сторонников турецкой ориентации [30].

Правые эсеры, от имени которых на совещании 8 ноября выступали Семенов, Козуб, Черный и высказывались за утверждение в крае сильной власти. И.М. Семенов огласил от имени исполкомов Советов города и деревни, союза городов резолюцию, где содержалось предложение включить в Терско-Дагестанское правительство 16 человек от союза горцев, а также по два представителя от Советов солдатских и крестьянских депутатов, представителей железнодорожного союза и союза городов [31]. Так соглашатели благословили создание контрреволюционного правительства. 10 ноября «социалисты» наметили на заседании Терского облиспкома кандидатуры правых эсеров в Терско-Дагестанское правительство.

Терско-Дагестанское правительство было сформировано 1 декабря 1917 г. В него вошли упоминавшийся уже Р.Х. Капланов (председатель правительства и министр внешних сношений), князь Алхазов (заместитель председателя), кабардинский уздень П. Коцев (министр общественного спокойствия), атаман М.А. Караулов (зам. председателя, министр финансов, его заместителем являлся Л. Медяник), дагестанский бек Талышханов (военный министр, его заместитель полковник Елоев), член Войскового правительства Абрамов (ми-

* Кавказский край. – 1917. – 27 октября; Пятигорское эхо. – 1917. – 28 октября.

нистр просвещения), правый эсер А. Бутаев (министр торговли и промышленности), правый эсер, гласный Владикавказской думы Д. У. Дударов (министр продовольствия), чиновник Черкезов (управляющий делами). Министерства земледелия, труда, почты и телеграфа на 1 декабря оставались незамещенными. При правительстве существовал, как на Дону и Кубани, Экономический совет, который держал его в финансовой зависимости. Активную роль в нем играли чеченский миллионер, нефтепромышленник Т. Чермоев, И. Баев, Е. Бритаев, а также дагестанские беки Далгат, Пензулаев, Баматов и др. [32]. Командующим войсками этого правительства являлся генерал Голошапов.

Как видно из сказанного. Терско-Дагестанское правительство представляло собой верхушечный союз казачьего и горского дворянства, буржуазии, реакционной военщины, соглашательской части средних слоев города и деревни. Но учредители правительства забыли спросить согласия народов Терека на его создание. С.М. Киров охарактеризовал это образование как правительство «исключительно крупных помещиков», взявших в помощь себе «несколько чиновников, получивших опыт по управлению при царском самодержавии». Как верхушечное образование, «избранное» не всенародно, а узким составом доверенных лиц, оно не могло пользоваться доверием народа [33].

Терско-Дагестанское правительство поддерживали краевой Совет Кавказской армии (председатель – правый эсер Донской, его комиссары в Терской области – эсер Звонарев и меньшевик Андреев) и Закавказский комиссариат. 18 декабря на совещании торгово-промышленной буржуазии министр правительства В.Г. Джабагиев, обратил внимание собравшихся на декреты СНК, заявил, что правительство «не допустит проведения их в жизнь», ему «нужна лишь поддержка с финансовой стороны». Такая помощь правительству оказывалась Экономическим советом, куда вошли «все управляющие частных банков» [32]. Правительство Терского края посетил представитель французского правительства, предложивший им финансовую помощь [34]. В декабре правительство стало выпускать свои денежные знаки. В его декларации отмечалось, что страна якобы находится без общепризнанной центральной власти, поэтому край может спасти только полная координация всех живых сил на местах, что правительство облекается всей полнотой государственной власти, давались обещания созвать в ближайшем будущем краевой Учредительный сейм.

Созыв краевого Учредительного сейма однако откладывался сначала на 25 декабря 1917 г., а затем – на 15 февраля 1918 г. Меры по укреплению вооруженных сил правительства принимались оперативно. Терско-Дагестанское правительство назначило полковника Беликова начальником гарнизона Владикавказа с чрезвычайными полномочиями. При участии Закавказского комиссариата была намечена программа ликвидации Советов, физического уничтожения большевиков и их союзников. Контрреволюционерам удалось разоружить Самарскую дружину и артиллерийскую бригаду – опору сил революции во Владикавказе. Были разгромлены Владикавказский, Грозненский, Хасавюртовский и другие Советы, многие другие рабочие организации. Агенты Терско-Дагестанского правительства натравливали чеченское население на русских, особенно солдат, пытаясь сломить сопротивление рабочих Грозного. Город был на положении осажденной крепости. По свидетельству очевидца, «к этому времени относится гибель цветущих сел и станиц».

Юго-Восточный Союз, возглавляемы партией кадетов, в декабре 1917 г. в основном завершил формирование объединенных правительств Донского, Кубанского и Терского казачьих войск (70 % казачьих войск России). 14 декабря 1917 г. украинский секретариат договорился с Объединенным правительством Юго-Восточного Союза о создании общей власти, но с условием признания «полной независимости федерирующихся единиц». Готовилось занятие Донбасса казачьими частями [35]. При этом кадеты проводили политику «керенщины» – установку на коалицию «капиталистов» и «социалистов», учитывая при этом размежевание в партиях меньшевиков и эсеров и намерение правого крыла этих партий следовать, как и в феврале – октябре 1917 г., в фарватере политики партии народной свободы. Существовали альтернативы возможного развития страны и Южного края, – с од-

ной стороны, создание режима, в основе развития которого были бы положены либеральные ценности, с построением в качестве ориентира правового государства и гражданского общества, а с другой – Советской системы государства, основанной на общинных ценностях, и целью в перспективе – строительство коммунистического общества. Богатый Юг избрал, казалось бы, первый путь развития и для этого начал формировать Добровольческую армию и государственное образование – Юго-Восточный Союз. Эту альтернативу осуществлял правый блок партий, а Советскую – формирующийся во главе с большевиками левый блок, значительно расширявший социальную базу революции, облегчавший победу Советской власти.

Имело ли какое-либо значение включение умеренных социалистов в объединенные правительства Юга России? Нужно учесть, что они не были избраны народом. Объединенные правительства были верхушечными образованиями, несовершенной формой представительства населения Донской, Кубанской и Терской областей. Однако эсеровская и меньшевистская части объединенных правительств стремились демонстрировать демократические способы борьбы с большевизмом (например, налаживать переговорный процесс с целью приостановления гражданской войны). «Социалисты» сделали в этих правительствах больше для их подрыва, чем для укрепления. Особенностью провинциальной партийности 1917 – 1918 гг. было то, что многие казаки (особенно фронтовики), и не только они, называла себя «социалистами» или «эсерами», или «социал-демократами» не будучи вообще связанными с их партиями организационно. В это время и появилась особая категория «партийцев» – «казачьи социалисты».

По поводу того, что некоторые казаки называли себя деятелями социалистических партий, М.П. Богаевский не раз выступал с разъяснениями. Еще 20 октября 1917 г. на заседании Войскового правительства товарищ атамана обратился к таким «казачьим социалистам» с заявлением: «Ни один донской социалист не забудет, что он прежде всего казак, от казачества ему не оторваться и он казачьих интересов не нарушит, социалист, пока не вытравит из себя казака, должен будет с нами работать» [2, л. 65]. В общем-то в основном это была горькая правда. Лишь немногие из казаков пополнили ряды политических партий России. Однако правдой является и то, что здесь мы коснулись явления, которое хотя бы в какой-то мере, но свидетельствовало об идущем процессе расказачивания.

Литература

1. Политические партии России в конце XIX – первой трети XX вв. Документальное наследие партии социалистов-революционеров: Документы и материалы. Т. 3. Ч. I. Февраль – октябрь 1917 г. М., 2000. С. 398, 601.

2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1255, оп. 1, д. 92. л. 73.

3. ГАРФ. Ф. 1255, оп. 1, д. 91. л. 102.

4. *Мельников Н.М.* Алексей Максимович Каледин – герой Луцкого прорыва и Донской атаман. Мадрид, 1968.

5. Рабочее дело. Орган партии меньшевиков в Ростове. 1917. 19 ноября.

6. Рабочее дело. 1917. 12 декабря.

7. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 649, оп. 1, д. 286, л. 16; Ф. 580, оп. 2, д. 3, ч. 2, л. 94.

8. Приазовский край. 1917. 17 ноября.

9. Триумфальное шествие Советской власти. Ч. 2. М., 1963. С. 77.

10. Голос Донской земли. 1917. 2 ноября.

11. Донецкая мысль. 1917. 10 декабря.

12. Журнал Екатеринодарской городской думы. 1918. № 43. С. 2, 7.

13. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 411, оп. 1, д. 215, л 2.

14. Центр хранения и изучения документов новейшей истории Краснодарского края (ЦХИДНИКК). Ф. 2830, оп. 1, д. 349, л. 14–15.

15. Листок войны. 1917. 7 ноября. Здесь указано на принятие Краевой Радой Конституции Кубани 6–7 октября 1917 г., где были ущемлены права пришлого населения.
16. Листок войны. 1917. 11 ноября.
17. Листок войны. 1917. 12 ноября.
18. *Ладоха Г.* Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар, 1923. С. 64.
19. Терский вестник. 1917. 27 октября.
20. Борьба за Советскую власть в Северной Осетии (1917–1920 гг.). Сб. документов. Орджоникидзе, 1957. С. 17.
21. Терский вестник. 1917. 3 ноября.
22. Кавказский край. 1917. 21 ноября.
23. ЦХДНИКК. Ф. 2839, оп. 1, д. 1388, л. 81–83.
24. Листок войны. 1917. 23 ноября.
25. ГАКК. Ф. 411, оп. 2, д. 407.
26. Листок войны. 1917. 31 октября.
27. Горская жизнь. Терский вестник. 1917. 27 октября.
28. Горская жизнь. 1917. 28 октября.
29. Кавказский край. 1917. 27 октября; Пятигорское эхо. 1917. 28 октября.
30. Голос Минераловодского районного и Пятигорского Советов рабочих и солдатских депутатов. 1917. 16 ноября.
31. Терская жизнь. 1917. 12 ноября.
32. Горская жизнь. 1917. 13, 20, 21 декабря.
33. Донские известия. 1918. 23 апреля.
34. Горская жизнь. 1918. 17 января.
35. *Сенцов А.А.* Октябрьская революция и Юго-Восточный Союз казачьих войск // Вестник Московского университета. 1973. № 1. С. 76–77.

УДК 351.858:316.75

Беспаленко П.Н., д. полит. н., проф.

Проблема формирования общенациональной идеологии

В статье рассмотрены вопросы формирования общенациональной идеологии, институционализации духовной безопасности в политическом пространстве современного российского общества.

Ключевые слова: общенациональная идеология, государственная идеология, социальный консенсус, самоидентификация, самобытность.

Духовное возрождение – это процесс, который может развертываться лишь снизу, из самого народа, а не насаждаться сверху властями. Другое дело, государство должно способствовать духовному возрождению, выделяя для него соответствующие материальные и денежные ресурсы, а также защищая общество от враждебных ему псевдодуховных течений, которые, прикрываясь высокопарными теориями, обрывками древних мистических знаний, владеют психологическими технологиями порабощения личности, преследуют цели либо материальной наживы, либо разложения общества и государства с далеко идущими замыслами его тотального разграбления, а часто того и другого вместе.

Опираясь на теоретическое наследие и учитывая новейшие тенденции развития социальной и экономической жизни России, ее новое место в международных отношениях сегодня вправе говорить об ином смысле идеологии XXI века. Главной причиной возобнов-